

Личность и творчество А. С. Пушкина занимали внимание В.Д. Фёдорова на протяжении всего его жизненного и творческого пути. В очерке «О себе и близких» Василий Фёдоров вспоминал: *«Братьям же, Андрею и Петру, я обязан ранним знакомством с настоящей литературой: с Пушкиным, Лермонтовым, Байроном, Купером, Лонгфелло. В отпуск братья приезжали с тюками разнообразных книг, которые потом оседали в нашем доме».*

В школьные годы, в Марьевке, Василий Фёдоров нарисовал портрет Пушкина и поставил его рядом с иконами, отстояв его место в красном углу избы. Этот жизненный эпизод описан им в новелле «Мои метаморфозы» (книга новелл «Сны поэта»): *«Месяца через два-три я нарисовал Пушкина. Поскольку уже знал, что в нём текла африканская кровь, то в дело пошла чёрная краска. Кудри были чёрные, брови чёрные, бакенбарды и того черней. Когда мама увидела его рядом с иконами в позолоченных и позолоченных окладах, она всплеснула руками:*

– Эту чёрную охарясину – рядом с образами! – и полезла на лавку, чтобы снять его, но я истошно закричал:

– Мама, это же Пушкин!

Мой крик остановил её. Она посмотрела на иконы, бросила взгляд на моего Пушкина, потом на меня и спустилась с лавки. В простенке между окнами у нас давно облупилась

штукатурка, и теперь там желтела глина, замешенная на рубленой соломе и мякине. Мама сердито ткнула пальцем в язву на белой стене:

– Вот куда надо было повесить!..

– А-а, Пушкиным дырки прикрывать!..

Словом, я его отстоял. <...> Чем чаще я смотрел на Пушкина, тем больше предавался самовнушительному желанию, чтобы у меня потемнели волосы и брови. Теперь я заставлял себя смотреться в зеркало только из презрения к цвету своих волос, а на Александра Сергеевича – из každоклеточного желания потемнеть. И что же вы думаете! Мои волосы и брови, к моей неопишуемой радости, начали притемняться. Сначала у них появилось что-то вроде тени, потом эта тень стала проступать и становиться вполне зримой. И когда мои волосы и брови потемнели совсем, жизнь нанесла мне непоправимый удар. В одной из книжонок, попавших в мои руки, я вычитал, что у Великого Пушкина были рыжеватые волосы...» [8, С. 219–220].

Ещё один образ-портрет молодого и весёлого Пушкина представлен в Фёдоровской новелле «С Пушкиным на балу». Увиденный во сне, «Пушкин был ещё совсем молодой и не похожий на все портреты, когда-то виденные мной, – ни Тропинина, ни Кипренского, ни мой собственный, нарисованный в детстве. У Тропинина ракурс пушкинского лица такой, что делает его при пышных баках почти скуластым, возвышенно-фундаментальным. И, странное дело, именно эта возвышенность и фундаментальность продиктовали художнику такую драпировку, как домашний халат, пышный шарф, сделавшие фигуру великого поэта более основательной. Пушкину было тогда двадцать семь лет, он уже написал «Бориса Годунова». Словом, художник привёл в

соответствие внешний облик поэта с его славой, что отметил и сам Пушкин:

*Себя как в зеркале я вижу.
Но это зеркало мне льстит.*

Теперь я видел Пушкина ещё более молодым и настоящим»
[8, С. 289].

Образу Пушкина Василий Фёдоров посвятил две «Заметы», созданные предположительно на рубеже 1950-1960-х годов. В одной замете представлен поэтический афоризм умнейшего человека, «Великого Пушкина»:

*Великий Пушкин
Говорил когда-то:
Поэзия должна быть глуповата.
Раскрой же смысл загадки до конца
И отличить учись всегда ты
От глуповатого
Глупца.*

В другой «замете» описана ситуация, когда в двадцатом веке пытались определить, кто из современных поэтов займёт место Пушкина. Гадали, кто Пушкин XX века: Блок? Есенин? Пастернак? Вознесенский? Евтушенко? Бродский?.. К этой ситуации и написан иронический «замет» Фёдорова:

*Все ворочают умами:
Ходит Пушкин между нами!
Где же?
Видимо, сей бард
Не имеет бакенбард.*

В статье «Наш Пушкин» (1974) В. Д. Фёдоров акцентировал внимание на духовных заветах А. С. Пушкина, человека и поэта: «Пушкин – величайшая духовная ценность нашего народа. Эта ценность нетленна для всех, кто любит поэзию,

а поэзия не знает границ. Иначе и не может быть, потому что поэзия всего мира родилась из человеческого желания соединить в себе разрозненные вещи, явления природы, отдалённые понятия, незнакомых прежде людей, племена и народы. Поэзия Пушкина, с её чувством свободы, достоинства и благородства – больше, чем стихи».

Поэтому-то автор – герой романической поэмы Василия Фёдорова «Седьмое небо» (1959–1967) в главе «Чужая жизнь» утверждает от имени советской молодёжи 1930-х годов:

*Студентами,
Стремясь к героическому,
Чужую мудрость жадно пьём.
По Пушкину,
По Маяковскому,
По Циолковскому живём.*

В главе «Смертная высь» автор дал образы главных противоборствующих сил во второй мировой войне, фашистской Германии и Советского Союза, обращаясь к героям Пушкина из «Маленьких трагедий»:

*Пиши, перо,
Всё в той же вере
Картины горя и беды:
Мир Моцарта и мир Сальери,
Мир свастики и мир звезды.
Пиши два мира, два лица:
Мир красоты,
И мир уродства,
И безоружность благородства
Перед коварством подлеца... [6, С. 109]*

В иронической поэме «Женитьба Дон-Жуана» Василий Фёдоров коснулся двух пушкинских произведений. В пре-

дисловии к поэме автор объясняет читателям причины своего обращения к октаве тем, что для ироничного и шутливого тона ему, как и Пушкину в поэме «Домик в Коломне», не пригодился ямб, и цитирует начало пушкинской поэмы:

*Четырёхстопный ямб мне надоел:
Им пишет всякий. Мальчикам в забаву
Пора б его оставить. Я хотел
Давным-давно приняться за октаву.*

Эпиграфом к последней главе иронической поэмы, самой трагической «Песни седьмой» с мотивом расплаты главного героя, В.Д. Фёдоров берёт строку «О, донна Анна!» из трагедии А.С. Пушкина «Каменный гость».

Будучи признанным советским поэтом, Василий Фёдоров не раз в 1960–1970-е годы выступал в периодической печати со статьями о Пушкине:

1. Фёдоров В. Д. Наш Пушкин // Советская Россия. 1962. 9 февраля.
2. Фёдоров В. Д. Есть высшая смелость: [К 170-летию со дня рождения А. С. Пушкина] // Комсомольская правда. 1969. 5 июня.
3. Фёдоров В. Д. Слово о Пушкине [Доклад на вечере, посвящ. 175-летию А. С. Пушкина] // Советская культура. 1974. 7 июня.
4. Фёдоров В. Д. Наш Пушкин [К 175-летию со дня рождения поэта] // Литературная газета. 1974. 12 июня.

В интервью во время работы Пятого Всесоюзного совещания молодых писателей В.Д. Фёдоров сказал, что, прежде всего, «поэту надо заботиться о чистоте своего внутреннего мира» («Литературная газета». 1969. № 15. 9 апреля). Эта мысль была продолжена В.Д. Фёдоровым в статье к 170-летию со дня рождения А.С. Пушкина: «Поэзия Пушкина с чувством свободы и независимости, с чувством достоинства и благородства легла в основу нашей нравственности. Его поэзия больше, чем стихи...» («Комсомольская правда». 1969. 5 июня. С. 4).

6 июня 1969 года В. Д. Фёдоров выступил на Третьем Всесоюзном Пушкинском празднике поэзии в Михайловском («Литературная Россия». 1969. 6 июня), а 1 июня этого же года в Псковском академическом драматическом театре им. А. С. Пушкина (см. фотографию фотографа Центрального Дома литераторов в Москве Михиала Николаевича Пазия).

6 июня 1974 года – с докладом «Наш Пушкин» в Кремлёвском Дворце съездов на торжественном вечере, посвящённом 175-летию А. С. Пушкина («Огонёк». 1974. июнь; «Литературная газета». 1974. № 23. 12 июня.).

В статье «Наш Пушкин» (1974) В. Д. Фёдоров подчеркнул важную для себя позицию: *«Пушкин – государственный человек, не в смысле официальной государственности, не по унижительной службе камер-юнкера, а по собственному пониманию нужд русской земли, своего народа, долга поэта, по собственному установлению.*

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*

Как и Пушкин, Василий Фёдоров был народным поэтом и служил России. Об этом многие его стихотворения: «С тобой, Россия», «О, Русь моя...», «Иду, в молву стоустую...» Последнее стихотворение завершается признанием поэта в своём самом главном служении:

*Ты мне сама наградою,
Ты радость мне и грусть,
И верою и правдою
Служу тебе я, Русь.*

Писатель Владимир Крупин дал высокую оценку и личности В.Д. Фёдорова и его Пушкинской речи в интервью 1988 года сотрудникам Кемеровского телевидения, снимавшим

документальный фильм о В.Д. Фёдорове: *«Я не был с ним на равных, и я просто счастлив тем, что он как-то всё-таки обратил на меня внимание, коснулся плеча. Я помню, он произнёс потрясающую малоизвестную пушкинскую речь в Колонном зале Дома Союзов. Она была опубликована, но не имела такого широкого распространения. Были и противники у этой речи. Сидит он такой, опустив голову, а потом поднимает её... Он, конечно, был потрясающей красоты, ума и обаяния человек, и говорит: «А! Уеду я в свою Марьевку!» И мы до сих пор его вспоминаем, он мимоходом говорил, но всегда точно. А сейчас слушаешь какого-нибудь говоруна на трибуне, и сразу вспоминаешь Фёдоровское «...и говорит он умно и глубоко, но странно видеть сытого пророка», или «...общенародного признанья пути заведомо длинны, поэт обязан быть в изгнаны, хотя б у собственной жены». Это вроде бы были шутки. Василия Фёдорова у нас не только не хватает, наша задача – расширить знания о Фёдорове. Это же огромный поэт, поэт уровня Кольцова, Рубцова, Есенина, Некрасова» [4, С. 9].*

Как видим, диалог с Пушкиным в творчестве Василия Фёдорова представлен многообразно: в лирике и поэнном творчестве, в прозе и литературной критике. О пушкинских традициях в лирике В.Д. Фёдорова впервые заговорили в своих работах Юрий Владимирович Стенник, Юрий Львович Прокушев, Лариса Васильевна Полякова. Ю.В. Стенник в статье «Пушкин и советская поэзия (40–60-е годы)» обращается к сборнику В.Д. Фёдорова «Не левее сердца» (1960).

Ю.Л. Прокушев рассуждает о пушкинских традициях в творчестве В.Д. Фёдорова на материале его поэмы «Женитьба Дон-Жуана» в статье «По главной сути» (1962–1982): *«Казалось бы ещё задолго до Василия Фёдорова судьба Дон-Жуана в мировой и отечественной литературе сложилась и*

утвердилась окончательно, особенно после того, как его образ запечатлели такие великие провидцы человеческой души, как Байрон и Пушкин. Однако истина в жизни, равно как и в литературе, – безгранична. Так и с Дон-Жуаном. В поэме Василия Фёдорова он не только женится (!), но и всё больше осознаёт, что истинное счастье и радость жизни, истинная любовь – всё это обретается человеком по-настоящему только в лоне семейного очага».

Далее известный критик, литературовед, популяризатор творчества Сергея Есенина, вводит творчество Василия Фёдорова в контекст мировой литературы, говоря о разработке темы любви в его лирике и поэмах: «Любовь земная... Любовь человеческая... Вечная, бессмертная тема. Каждый из истинных поэтов по-своему неповторимо пытался выразить и передать это чувство. Саади и Омар Хаям, Данте и Петрарка, Байрон и Гёте, Мицкевич и Петефи. А наш Пушкин!!! Другие великие поэты России: Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Блок, Маяковский, Есенин, Твардовский... Василий Фёдоров верен этой святой традиции. Он новаторски смело приумножает, обогащает её в своём творчестве».

В исследовании любовной темы в лирике Пушкина и Фёдорова сразу выстраивается поэтический диалог. Например, стихотворение Пушкина «Красавица» и стихотворения Фёдорова «Красивым», «Неизвестная».

Ценные наблюдения о пушкинской традиции в поэме В.Д. Фёдорова «Женитьба Дон-Жуана» сделала Лариса Полякова, доктор филологических наук, профессор Тамбовского государственного университета, в ряде своих статей и монографий 1987, 1989, 2012 годов. Одно наблюдение касается поэмы связи с «Евгением Онегиным»: «Не случайно наш современник Фёдоров, наглядно демонстрируя связь своей поэмы с байроновской, намекает на сходство героя и с пушкинским Онегиным:

*Жуан глаза, приопуская веки,
Трагически закрыл на этот раз.
– Вы хороши... Я не достоин вас!.. –
И прочее... Ну, словом, как Онегин...*

И ещё одно ценное наблюдение Ларисы Поляковой: *«Пушкинское начало в осмыслении Фёдоровым мирового образа, на мой взгляд, выражается ещё в одном мотиве – в столкновении с Дон-Жуаном другого мифического героя с международной известностью – Фауста»*. Л.В. Полякова проводит аналогии между программным монологом героя Пушкина «Сцены из Фауста» (*«В глубоком знанье жизни нет <...> Но есть прямое благо: сочетанье двух душ...»*) и стихотворения Фёдорова *«По главной сути»* о *«непреходящей ценности любовного союза»*.

На сегодняшний день осмысление Пушкинского текста в творчестве В. Д. Фёдорова находится в стадии осмысления, в начале разработки проблемы. Одна из проблем: роман в стихах «Евгений Онегин» Пушкина и романы в стихах Фёдорова. Во вступительной статье к Фёдоровскому пятитомнику Юрий Прокушев говорит об этом одну фразу: *«Вот что побуждает ныне к более развёрнутому разговору об этой выдающейся поэме, читая которую не однажды вспоминаешь, как-то само собой, невольно, бессмертного пушкинского «Евгения Онегина»»*.

Требуют осмысления литературно-критические статьи В.Д. Фёдорова, в которых упоминается творчество А.С. Пушкина: «Залог величия», «Наш Пушкин», «Ответ на четыре вопроса», «Рождение поэта», «Магнитное поле стиха», «Поиск прекрасного», «Слово – жизнь», «Поэзия и жизнь» (о поэме «Медный всадник»). Осмысление пушкинского текста в творческом наследии В.Д. Фёдорова поможет лучше понять значение и место писателя в литературном процессе нового века.